

ЕСЛИ БЫ ВЫ ВСТРЕТИЛИ ПРИЗРАК НЕУПОКОЕННОЙ
ДУШИ, ЧТО БЫ ВЫ СКАЗАЛИ ЕЙ?

Изумрудный дом в приданое

Я Н И Н А Х М Е Л Ь

Янина Хмель

Изумрудный дом в приданое

<https://litres.ru/74258612>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Если бы вы встретили призрак неупокоенной души, что бы вы сказали ей?

— Пойти на свет.

Одним морозным зимним днём Ася встречается в изумрудном купеческом доме, который ныне выставлен государством на торги, Полю и Стефана. Пара выглядит странно и говорит совершенно изумительные вещи о том, что дом — приданное Поли и его непременно нужно вернуть ей.

Лишь позже, от священника, Ася узнает о том, что повстречалась в изумрудном доме с призраками людей, которых нет в живых давным-давно. Ася решает помочь странствующим душам упокоиться. Потому что на самом деле это единственный способ вернуть себе же самой потерянную некогда жизнь...

Содержание

Изумрудный дом в приданое	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Янина Хмель Изумрудный дом в приданое

— Если бы вы встретили призрак неупокоенной души, что бы вы сказали ей?

Изумрудный дом в приданое

Конец декабря. Вместо пушистых хлопьев в преддверии Нового года бобруйчане получили слякоть под ногами и мокрый снег над головой. Что ж, ничего нового, мы уже привыкли к такой зиме. Да и не бывает у природы плохой погоды — так всегда говорит отец Димитрий. Вряд ли священники ошибаются. Я тоже стараюсь искать что-то светлое в окружающей меня серости по дороге до Изумрудного дома. Считаю шаги от последней ступеньки храма до первой ступеньки дома, спрятав нос в воротник пальто и опустив голову. Хвалю себя — сегодня успела на утреннюю службу (отец Димитрий говорит, что у меня хорошо натренирована сила воли), наверное, он прав, ведь очень хотелось понежиться в тёплой постельке рядом с Пуфиком на соседней подушке. Вряд ли бы я выбралась из-под одеяла, если бы моя воля была слабой.

Пуфик — кошка, которая прибилась два года назад на крыльцо храма, а я чересчур жалостливая (это тоже слова отца Димитрия), забрала её домой. Пуфик, потому что я думала, что это он, пока через пару недель тот не окотинился. Трое котят было — такие же чёрненькие с зелёненькими глазками, как и мамка. Теперь я зову кошку Пуфа, но иногда забываюсь и по привычке Пуфиком. Котят раздала, как те глазки открыли, а кошку стерилизовала и оставила себе.

Я улыбнулась воспоминанию, поправив связанный бабушкой хомут. Помню, она смеялась: «Что ты, лошадь какая-то, чтоб хомут носить?!», поворчала, но всё-таки связала мне этот тёплый зимний атрибут. А шапки я не люблю, они колючие и постоянно на глаза сползают или вверх поднимаются, оголяя уши.

Я остановилась у крыльца — 436 шагов, поднялась по шаткой лестнице — вот бы её починили, сделали хотя бы бетонной, тогда бы уж не так страшно было по ней ходить, но, вероятно, пропадёт весь шарм старины, который так хотят сохранить. Подёргала ручку, а дверь оказалось запертой. Спустила рукавичку и взглянула на кругленький циферблат — без пятнадцати восемь. Я так боялась опоздать, что пришла раньше — как это на меня похоже. Отец Димитрий шутит: пунктуальность боялась её. А я просто ценю своё и чужое время, разве это плохо?

Я шмыгнула носом и вернула рукавичку на место. Подняла голову и удивлённо вздрогнула: передо мной стояли двое

— молодые, красивые и так необычно одеты, совсем не по нашей погоде. На ней — изумрудное коротенькое пальтишко и такого же цвета берет, из-под пальто выглядывает чёрное кружево от платица, а из-под берета — светлые длинные локоны, аккуратно завитые, будто девушка только вышла из салона. На ножках — ботиночки на шнурочках, а лодыжки тонюсенькие, я пригляделась — она даже без колгот. Я поёжилась, от одного взгляда на этих ребят холодок пробежал по спине.

Девушка, вряд ли намного старше меня, а мне в этом году исполнилось двадцать, держит под локоть парнишку. Тот гладко выбритый, в беретике с козырьком, тёмно-серые брюки на подтяжках, а на плечи накинут расстёгнутый пиджак. Стоят оба, словно на дворе весна, и смотрят на круглое окно дома.

— А ещё нет никого, — выдавила из себя я. — Вы по какому вопросу и к кому?

Девушка посмотрела на меня и как-то отстранённо улыбнулась. Меня промурашило от этой улыбки. Так улыбаются душевнобольные или маньяки — люди, которым уже нечего терять.

— Приходите позже... — сказала я, но мне снова никто не ответил.

Они смотрели только на дом да друг на друга. Наверное, тоже на торги, подумала я. Странно только, что в такую рань. А ещё страннее, что так легко одеты. Я пожала плечами и

повернулась к двери лицом, вновь подёргав ручку. Будто бы дверь могла оказаться незапертой! Усмехнулась своей глупости и обернулась, а парочки уже и след простыл. И снова неприятный холодок пробежал от копчика до шеи. Не могли же они испариться, ведь только что стояли передо мной! Я выглянула с крыльца — нет нигде, как будто и не было вовсе. Огляделась по сторонам, в надежде заметить отдаляющееся изумрудное пальтишко девушки, но увидела приближающегося к дому Михалыча — один из руководителей проекта. Этот дом выставлен на торг, и уже месяц тут проходят смотры и принимаются участники конкурса.

— Ася! А ты уже тут! — радостно воскликнул он. — Вот бы все были такими пунктуальными. Давно ждёшь?

— Не, только подошла, — я отступила от двери, пропуская его.

Он повозился у замка:

— Заедает, зараза! Но это уже будут не мои проблемы, — пробубнил себе под нос Михалыч.

Дверь со скрипом отворилась.

— Не замёрзла? Чайку?

Я покачала головой:

— Мне ещё в храм возвращаться, быстренько уберусь и пойду.

Михалыч кивнул и пропустил меня вперёд. Старый пол отзывался таким же скрипом, как и дверь, на каждый наш шаг, как будто шептал «уходи-и-и...», прогоняя незваных го-

стей. Что говорить про пол, когда в стенах дома зияли дыры, из которых сильно сквозило.

Я скинула пальто и хомут, натянула на платье фартук и взялась сначала за метлу. Странно, наверное, что молодая девушка по собственному желанию пошла работать уборщицей. Это я так наказывала себя...

Не знаю, что конкретно я ждала от религии, но исправно ходила на службы, даже утренние не пропускала, библию прочитала — с интересом, и подумывала о том, чтобы всю свою жизнь посвятить церкви и служению Богу. Но, как в большинстве случаев, когда человек выбирает религию, это значит, что его к этому привело искушение. В церковном понимании я нарушила три заповеди. Я влюбилась в своего преподавателя. Я сделала его своим кумиром, вдохновлялась им. И мне было сложно порвать эту связь даже тогда, когда я узнала, что он женат.

Я часто думаю о том, как сложилась бы моя жизнь и куда бы меня привела, поступи я по-другому — правильно, но этот каждый раз заканчивается мысленными обвинениями. Я виню то себя, то его. В таких случаях всегда виноваты оба. Только если я признала свою вину, он же остался при мне, что ничего постыдного не сделал. Но кто кого соблазнил? Кто кого довёл до искушения? Я, у которой взрослый мужчина был первым, или он, кого дома ждала жена...

Отец Димитрий говорит, что я слишком строга к себе и не должна наказывать, ведь даже Бог не наказывает, но я всё

равно не отступаю в своём намерении смыть с себя хотя бы те грехи, которые мне под силу. Я не могу вернуться в прошлое и изменить свои решения, которые привели к тем ошибкам, и не могу жить так, будто бы этого не было в моей жизни — не могу стереть воспоминания об этом. Я могу только вынести урок из произошедшего.

Уже три недели я хожу в этот дом, который так пугает меня — своим видом снаружи и состоянием внутри. Он словно живой — дышит в такт моему дыханию, шепчет что-то возле уха. Это как будто ещё одно наказание, которое я придумала для себя — идти туда, куда страшно.

Из потока мыслей и размеренного скольжения тряпки по полу меня вырвал стук каблучков по прогнившим доскам. Я выпрямилась и подняла голову. За столом сидел только Михалыч, к нему приближалась та самая парочка, которых я видела утром. Тук-тук-тук. Девушка так ловко переставляла худые ножки, как модель вышагивала по подиуму. Напротив стола оба остановились. Если их вижу не только я, значит, я не сошла с ума...

Михалыч отхлебнул чаю и уставился на них в таком же изумлении, каком была я при первой встрече с ними.

— А вы к кому? — спросил он.

— Я хочу вернуть свой дом, — произнесла девушка. Голос её был сиплый и совсем не подходил утончённому образу. И акцент какой-то странный — ненашенский.

Парень всё время молчал. Казалось, он просто застыл.

— А-а! — спохватился Михалыч, — вы на конкурс! Частное лицо или физическое?

Незнакомцы переглянулись.

— Конкурс? — переспросила девушка, взглянув на Михалыча. — Что такое «конкурс»?

Её акцент стал отчётливее. Я непроизвольно уши развела и перестала водить шваброй по полу. Михалыч, дохлёбывая свой чай — пить холодный он не любил, протянул девушке листок с условиями конкурса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.